

Гора Деланде; 102 года после соединения

«Я сожалею, что оставил Нарриэль в живых», — сказал Маккарег. — Мне тоже следовало убить его.

Его брат, шедший рядом с ним, покачал головой.

«Ты сказал, что он не вытащил свой меч. Значит, ты поступил правильно».

— А что, если он заговорит?

Тайбсир пожал плечами и продолжил идти под полуночным небом.

«Ну, если он заговорит... и если он скажет, что Меч находится в Драконьих горах недалеко от Кьявы... и если эти слухи дойдут до сюда... и если кто-то спросит тебя об этом, тогда просто солги».

«Правда? Ты не хуже меня знаешь, что ложь является нарушением Кодекса Эссеи», — сказал он с улыбкой. Сделав паузу, он спросил: «И что бы я сказал?»

«Лучшая ложь — это та, которая по большей части правда. Так что просто скажи любому, кто спросит, что Меч затерялся в Драконьих горах. Что почти полностью правда. Именно там он и затерялся почти для всего мира. Только ты и Я когда-нибудь узнаю его истинное место упокоения. Конечно, если ты не хочешь врать, просто скажи им, что это не их чертово дело».

«Да, думаю, мне так больше нравится», — сказал Маккарег, который держал под одной мышкой длинный тонкий предмет, завернутый в несколько одеял, а под другой — маленькую каменную вазу с крышкой, запечатанной воском.

Два брата поднялись по ступенькам портика, окруженного изысканными колоннами высотой тридцать футов. В конце концов они остановились у двух огромных деревянных входных дверей, которые Тайбсир начал отпирать. Потребовались оба эльфа, чтобы открыть одну из дверей, поскольку ее петли почти проржавели. Прошли десятилетия с тех пор, как двери в последний раз открывались. Войдя в совершенно темное здание, они закрыли и заперли за собой двери, а затем медленно оглядели то, что когда-то было самой священной землей народа Эн Сейдхе. Ни в одном из канделябров, стоящих вдоль стен, не было факелов, и не было окон, через которые могли бы проникать лучи полной луны. Только пламя факела в руке Тайбсира позволяло братьям видеть. Взгляды обоих эльфов остановились на высоком каменном строении посреди большого зала. Большинству людей это показалось бы не чем иным, как маленькой квадратной комнатой с каменными стенами пятнадцати футов высотой и десяти футов шириной. Но два брата знали лучше.

Маккарег глубоко вдохнул, а затем медленно выдохнул.

«Я не чувствую себя здесь хорошо».

«Я знаю. У меня волосы на шее встают дыбом», — сказал Тайбсир, кивнув. "Ну давай же."

Они прошли через обширный первый этаж к задней части храма. Они подошли к другой деревянной двери — на этот раз нормального размера — и Тайбсир отпер и ее. Маккарег шагнул в полную темноту, а за ним последовал и его брат. После того, как старший брат снова запер дверь, они спустились по шаткой круглой деревянной лестнице. Маккарегу казалось, что с каждым шагом вниз температура падала на один-два градуса.

Меньше чем через минуту двое Аэн Сейдхе стояли в довольно большой пустой пещере. Хотя он был пуст, в нескольких каменных стенах были высечены подсвечники, и после того, как Тайбсир поместил свой факел в одну из них, он повернулся и посмотрел на своего брата. Они оба слегка кивнули друг другу, а затем Маккарег подошел к каменной плите прямоугольной формы высотой до бедра в центре пещеры и положил накрытый одеялом предмет посередине нее. Затем он поставил вазу прямо перед длинным тонким предметом.

Он посмотрел на брата и улыбнулся. Первое, что пришло ему в голову за весь вечер.

«Нахождение здесь навевает хорошие воспоминания».

Тайбсар улыбнулся в ответ. "Ага." Затем он глубоко вдохнул. «Прошло сто лет, но клянусь, я до сих пор чувствую запах отцовского пергамента».

Маккарег кивнул и закрыл глаза. «Я до сих пор представляю его - прямо здесь - стоящим на коленях в молитве, час за часом».

Затем младший брат открыл глаза, посмотрел на брата, а затем взглянул на лестницу высотой тридцать футов, по которой они только что спустились.

"Вы уверены?" он спросил. В его голосе была тень сомнения.

«Я», — сказал Тайбсир.

«Хорошо», — ответил Маккарег, а затем вынул меч, подошел к винтовой лестнице и вонзил клинок в дерево. Всего после нескольких взмахов меча частично сгнившая деревянная конструкция рухнула на пол пещеры.

Затем Маккарег посмотрел вверх на потолок пещеры и покачал головой.

«Мне действительно не нравится, что там, наверху, так близко к этой штуке».

«Я тоже. Вот почему, когда мы здесь закончим, я прикажу замуровать дверь там наверху».

«Недостаточно хорошо, если вы спросите меня. Мне все еще хотелось бы бросить его на дно океана».

«Я согласен. Это кажется более безопасным решением, но... у нас действительно нет выбора, верно? Ангел Эссеи велел тебе разместить его здесь. Мы должны подчиниться», — сказал его брат.

«Я знаю. Хотя... ты уверен, что мы не усложняем поиск этой штуки ? » — спросил Маккарег, кивнув в сторону предмета на плите.

«В этом-то и дело. Вы хотите сказать, что хотите, чтобы его нашли?»

Маккарег покачал головой. «Конечно, нет, но ты знаешь пророчество Отца так же хорошо, как и я. Да, оно совершенно расплывчато, поэтому мы не знаем, кто и не знаем, когда, но мы знаем, что кто-то каким-то образом в конечном итоге окажется воспользуемся этой проклятой штукой в какой-то момент. Так что мы не можем сделать ее невозможным.

Тайбсир покачал головой. «Мы должны верить, что Эссея контролирует это. Если пророчество Отца действительно пришло от Бога, и если ангел, который говорил с вами, действительно тоже исходил от него, тогда мы должны верить, что он каким-то образом заставит все это

работать. Если кто-то действительно намеревался использовать это, то Эссеа каким-то образом передаст это ему в руки».

Маккаррег снова вздохнул. «Я знаю, что ты прав, брат, но... мне просто сейчас трудно доверять. На протяжении более трех лет я видел, как этот Меч неоднократно демонстрировал свою силу и разрушение. Так что... у меня действительно тяжелые времена. Полагая, что его можно будет использовать во благо... даже в руках Эссеи».

Тайбсир кивнул. «Я согласен, и именно поэтому я написал то, что сделал», — сказал он, глядя на запечатанную вазу. «Я просто надеюсь, что тот, кто однажды найдет это, первым прочитает то, что мы написали».

Маккаррег кивнул, а затем глубоко выдохнул. «Хорошо. Это в руках Эссеи». Затем он улыбнулся. «Теперь ты помнишь, как выбраться отсюда?»

«Ну, прошло столетие. Так что простите меня, если я сделаю пару неправильных поворотов».

ooo

Маехт; Осень 1273 г.

Гостиница «Риверсайд Инн» была самой популярной закусочной в Маехте: здесь была восхитительная еда и прекрасный вид на реку Имлебар, протекающую прямо под возвышенным патио. Однако, поскольку дело было в начале недели, таверна была по большей части пуста и, следовательно, очень тиха. За столом в задней комнате сидела четверка, сгорбившись над пустыми тарелками и кружками и перешептываясь между собой. Единственная свеча стояла посередине стола, отражаясь от стекла ближайшего окна и изо всех сил стараясь отбиваться от теней, скрывающихся вдоль стен таверны.

«Вы, должно быть, шутите», — сказала Йеннифэр, недоверчивый тон в ее голосе был очевиден всем остальным за столом. «Это пророчество, из-за которого начался весь этот беспорядок?»

Геральт только пожал плечами и кивнул.

"И избранник - девственник? - продолжала она саркастически, покачивая головой. - Почему все эти религиозные психи так или иначе зациклены на сексе?" Затем она посмотрела на Лидиала и ухмыльнулась. «Девственность слишком переоценена, если вам интересно мое мнение».

«Ну, я нет, и мы не «зациклены» на сексе», — прошептала Лидиал с некоторым жаром в голосе. «Мы единственные, кто относится к этому правильно и уважительно. Это дар...»

Она прекратила свои контраргументы, когда почувствовала, как рука Геральта нежно сжала ее ногу под столом. Она посмотрела на него и увидела на его лице теплую улыбку.

«Я надеюсь, что мы сможем вволю спорить о сексе и религии, когда все это закончится. Но сейчас давайте все постараемся оставаться на одной стороне - что вы скажете?» — спросил он, глядя на Лидиал, а затем на Йеннифэр.

Лидиал коротко кивнула головой, и волшебница подняла брови, как бы говоря: «Что я сделала?»

«Я долго и упорно размышлял над этим, — продолжил Геральт, — и не думаю, что

«девственница» в этом пророчестве вообще имеет дело с сексом».

— Тогда о чем идет речь? - спросил Малек.

«Ну, когда я думаю об этом слове, очевидно, первое, что приходит на ум, — это человек, у которого не было секса, но... я также думаю о нетронутой, заснеженной горе. Снежный покров, безупречный... нетронутый. , ни следа не видно».

— Белая, — неожиданно сказала Йеннифэр.

"Что?"

«Может быть, это как-то связано с белым цветом. Virgin — синоним слова «белый».
«Девственное» заснеженное поле белое. Дева на свадьбе носит белое».

Малек ухмыльнулся и посмотрел на Геральта. «Тогда, возможно, пророчество о тебе... Белый Волк».

Ведьмак не улыбнулся в ответ. — Маловероятно. Ты подходишь под все требования лучше, чем я.

«Как это?» - ответил он со смехом.

Геральт пожал плечами. «В пророчестве также говорится о «правой руке», а ты когда-то был «правой рукой» Эмгыра. А как зовут Эмгыра? Белое пламя , танцующее на могилах его врагов». Затем он кивнул, и на его лице появилась легкая ухмылка. «Части начинают вставать на свои места».

«Это звучит логично», — сказал Лидиал с усмешкой.

Малек улыбнулся в ответ. «Это ни к чему нас не приведет».

— Согласен. Иви... — ведьмак сделал паузу и слегка вздохнул. «Иви, Лидиал и я уже обсудили это пророчество до такой степени, что оно мне уже надоело. Я смирился с тем фактом, что мы, вероятно, никогда не узнаем, что оно на самом деле означает - если это вообще истинное пророчество. ."

Внезапно Лидиал зевнул, от чего остальные тоже начали зевать.

— Думаю, это наша реплика, — сказал Геральт, вставая. «Давайте хорошо отдохнем. Завтра нам предстоит целый день езды».

Когда остальные трое встали из-за стола, все они услышали глубокий грохот, доносившийся снаружи. Мгновение спустя они почувствовали вибрацию, проходящую через деревянный пол таверны.

«Это не может быть гром», — сказала Йеннифэр, слегка встревоженная.

Ведьмак взглянул на волшебницу и тут же вытащил свой серебряный меч.

Малек также вытащил свое оружие и сказал: «Я слышал и чувствовал это раньше - в Новиграде и Третогоре. Монстры Эйльхарта».

Внезапно передняя стена таверны взорвалась, и ведьмак тут же создал большой купол Квена,

защитивший всех четверых. Мгновение спустя осколки дерева и стекла отскочили от защитного барьера, а когда они подняли глаза, они увидели, как полностью функциональный гарголем въехал в середину таверны, издал рев и выдохнул огонь вверх, в потолок.

Ведьмак оглянулся через плечо на заднее окно и, повернувшись лицом к чудовищу, крикнул остальным: «Отойдите от меня!»

Затем он быстро бросил бомбу «Танцующая звезда» в чудовище Эйльхарта, в то время как трое его друзей разбежались. Взрывчатка лишь слегка подпалила крепкую шкуру монстра, но явно привлекла его внимание. Горголем тут же издал еще один рев и бросился на ведьмака. Геральт быстро применил стандартный Квен, а затем остановился, глядя на разъяренное существо. За долю секунды до того, как оно достигло его, он резко нырнул вправо, и гарголем пробил заднюю стену гостиницы, пересек задний дворик и перила, упав с добрых двадцати футов в глубокую реку Имлебар внизу. .

Затем все четверо столпились вокруг дыры в задней стене таверны, глядя вниз, на темную реку, огромные волны, струящиеся наружу от того места, где монстр только что опустился, на дно реки.

«Думаешь, оно умеет плавать?» – спросил Малек.

— Надеюсь, нет, — ответил Геральт.

«О, я так рада», — раздался голос позади них.

Все обернулись и увидели Филиппу Эйльхарт, стоящую там, где всего несколько минут назад была входная дверь таверны.

— Черт возьми, — прошептал Геральт, увидев гигантскую ведьму-паука.

«Филиппа?» воскликнула Йеннифэр.

Филиппа рассмеялась. «О, выражения твоих лиц бесценны. И вот я думал, что смогу убить только Малека. Но, ведьмак, ты тоже здесь. Мне будет вдвойне веселее».

Не сводя глаз с волшебницы, Геральт тихо сказал в сторону Малека: — Я думал, ты сказал, что убил ее.

«Я думал, что сделал».

«Вряд ли», — прорычала Филиппа, наложив заклинание на Малека, и все одновременно двинулись.

Малек нырнул на пол, когда над ним пронесся импульс черной энергии, разрушая стену позади него. Он пробрался через дыру в задней стене к патио, и когда Филиппа бросила снова, быстро материализовался гигантский пурпурный щит, блокирующий следующий залп ведьмы-паука.

Филиппа отбросила заклинание и медленно повернула голову, чтобы посмотреть на Йеннифэр, которая все еще держала свой магический щит на месте, в то время как потолок над ними все больше и больше охватывался пламенем.

«Йенна, мы с тобой не всегда сходились во взглядах — что делают две волшебницы? Но до

этого не обязательно доходить, ты знаешь».

Йеннифэр взглянула на Геральта, который быстро помог Лидиалу подняться на ноги и выйти в заднюю часть таверны. Затем она снова встретилась глазами с Филиппой, и ведьма из Монтекальво покачала головой с выражением отвращения на лице.

«Я никогда не понимал вас двоих. Никогда не понимал, как он вас держит».

Йеннифэр слегка грустно улыбнулась.

— Я тоже, Фил, — сказала она, пожав плечами. «Но... понимаешь ты это или нет, я не могу позволить тебе причинить ему вред».

«Значит, ты сделала свой выбор», — прошипела Филиппа. "Быть по сему."

Она немедленно начала двигать обеими руками, и несколько мгновений спустя волны смертоносного Хаоса пульсировали в направлении черноволосой волшебницы.

ooo

Геральт только что помог Лидиалу подняться на заднее крыльцо горячей таверны и повернулся, чтобы вернуться внутрь, чтобы помочь Йеннифэр, когда он услышал свистящий шум в воздухе над рекой. Мгновение спустя мокрый гарголем рухнул на доки складского района на дальнем берегу. Магическая конструкция устояла на троих на заднем дворике, издала угрожающий рев, а затем внезапно исчезла со свистящим звуком. Ведьмак быстро дернул головой вверх, а затем снова опустил голову на Лидиала и Малека.

"Бегать!" — крикнул он, схватив Лидиал за рукав рубашки и потащив ее к краю крыльца.

Как только гарголем проломил крышу таверны, Геральт, Лидиал и Малек нырнули с внутреннего дворика и нырнули в реку вниз. Темные быстрые течения Имлебара немедленно начали уносить их вниз по течению, подальше от опасности. В конце концов их головы покачивались над поверхностью, и, несмотря на то, что ширина Имлебара составляла более ста футов, они начали отчаянно плыть к противоположному берегу. Они были уже на полпути, когда гарголем вырвался из горячей таверны, и мгновение спустя все здание рухнуло само собой. Теперь возвышающийся ад отражался от поверхности воды, делая пламя вдвое более огромным.

Чудовище Эйльхарта, также охваченное пламенем, снова взревело, когда увидело свою жертву посреди реки. Гарголем тут же исчез высоко в воздухе, прежде чем упасть прямо к своей жертве. Ведьмак почувствовал огромный всплеск позади себя, и сильная волна подбросила его вперед, поскольку чудовище едва не отбросило его тело прямо на дно русла реки.

Примерно через минуту все трое выбрались из реки на каменную платформу, находившуюся на уровне воды, а затем поднялись по десяти каменным ступеням до уровня земли.

«Думаешь... на этот раз оно останется там...?» — спросил Лидиал, согнувшись и совершенно запыхавшись.

— Должно быть, вода воздействует на его магическое ядро, но мы не можем сидеть здесь и выяснять это, — сказал ведьмак, вставая на ноги. «Дай мне свой патронташ».

"Почему?"

«Просто передай».

После того, как она это сделала, Геральт вытащил из своего патронташа две бомбы «Танцующая звезда» и вручил по одной Лидиалу и Малеку.

«Идите! Спрячьтесь в тени», — сказал он, кивнув подбородком в сторону складских зданий на другой стороне дорожки. «И когда я говорю «сейчас», ты бросаешь их в это».

"Что ты собираешься делать?" — спросила Лидиал, ее голос был полон страха и беспокойства.

"Просто иди!"

Ведьмак подписал Квен, а затем повернулся лицом к реке, даже не удосуживаясь посмотреть, как Лидиал и Малек бегут в укрытие. Взгляд Геральта скользнул вверх по реке, к пылающей таверне, и он нахмурился.

«Черт побери, Йен», — прошептал он, взяв в руку димеритиевую бомбу.

Но он быстро покачал головой и посмотрел вверх, рассматривая ночное небо. Мгновение спустя он услышал что-то вроде метеора, летящего прямо на него, и сразу же резко нырнул вправо. Выйдя из переката, однотонный гарголем врезался в землю, и ведьмак швырнул димеритиевую бомбу, попав монстру прямо в грудь. Особая алхимическая пыль помешала магическому ядру конструкции, и как только Геральт убедился, что она – хотя бы на мгновение – выведена из строя, он прыгнул к ней. К сожалению, из-за близости к только что взорвавшейся взрывчатке его защита Квена вышла из строя, но у него не было времени об этом думать. Он быстро накинул патронташ Лидиала на верхнюю часть бедра монстра, затем туго застегнул его, а затем сделал то же самое со своим собственным патронташем на другом бедре. Он только закончил, когда почувствовал, что гарголем возвращается к жизни.

"Сейчас!" - крикнул он, как только повернулся к реке.

Он сделал только один шаг, когда боль внезапно пронзила его ребра, когда он почувствовал мощный удар гарголема, приземлившийся прямо на его бок, отбросив ведьмака в воздух и в реку Имлебар, находящуюся на десять футов ниже. Когда он погрузился под воду, он открыл глаза, и внезапно его зрение наполнилось огромной вспышкой света, когда над ним пролетел огненный шар.

Он пнул ногой вверх, и через секунду голова ведьмака пробилась сквозь поверхность воды, и он глубоко вдохнул прохладный ночной воздух. Прижав левую руку к боку, чтобы защитить сломанные ребра, он медленно поплыл одной рукой и здоровой ногой обратно к стене паводка. Он, шатаясь, поднялся на ноги на речной платформе, снова поднялся на уровень земли и, хромая, направился к все еще «живому» монстру. Его нижняя половина была уничтожена, и у него не было одной руки, но он все еще полз к Малеку, ревя и выдыхая огонь в его сторону.

Подойдя к гарголему, Геральт быстро сделал пальцами Знак Игни, и, к его облегчению, появилось небольшое пламя. К счастью, речная вода смыла пыль димерития, что позволило ему снова использовать свои Знаки. Он подошел близко к монстру и несколько раз ударил его Бликсом, пока тот, наконец, не перестал двигаться и не упал замертво на землю. Тут-то ведьмак обернулся и посмотрел на город на другом берегу. Пламя из таверны перекинулось на соседние постройки, и ведьмак мог слышать крики и крики, доносившиеся откуда-то издалека. Но чего он не мог видеть и слышать, так это произнесенных магических заклинаний, и звук этого ему совсем не нравился. Он тут же побежал к ближайшему мосту, чтобы перебраться на другую сторону. Он должен был помочь Йеннифэр.

Йеннифэр подняла перед собой перевернутую и сломанную мебель и нырнула в укрытие. Заклинание Филиппы ударило по деревянным столам и стульям и разнесло их на куски, разбросав осколки и осколки во всех направлениях. Йеннифэр поднялась на ноги, скрывшись из поля зрения Филиппы. Спрятавшись на лестнице, ведущей в спальню второго этажа, черноволосая волшебница на мгновение получила передышку от битвы. Именно тогда она поняла, что таверна вокруг нее вот-вот сгорит. Она произнесла заклинание быстрой телепортации и через мгновение вновь материализовалась на улице.

Йеннифэр кашлянула дымом и уставилась широко раскрытыми глазами на ад перед собой. Даже находясь на расстоянии тридцати футов, жара была пугающе сильной, и пот стекал по линии ее волос и сквозь полосы сажи, размазанные по ее щекам и подбородку. Ее внимание к главному входу в таверну было прервано доносившимися рядом криками, когда многие жители города начали выбегать на улицу, чтобы поглазеть на огонь. Внезапно она услышала шум высоко в воздухе, а мгновение спустя увидела, как горголема Эйльхарта проломила крышу таверны, заставив всех горожан на улице разбежаться.

Затем из огненной бойни выскочила ведьма-паук, усики дыма поднялись от ее тела там, где пламя опалило ее густые, прямые паукообразные волосы. Несмотря на это, на ее лице была широкая улыбка, когда она спрыгнула с крыльца таверны на середину улицы. Не говоря ни слова, она заколдовала Йеннифэр, и их битва возобновилась.

Колдунья из Венгерберга была гордой женщиной, но она могла свободно признать, что Филиппа всегда могла контролировать больше грубой Силы, чем она. Вдобавок ко всему, сильной стороной Йеннифэр никогда не были наступательные магические заклинания. Таким образом, она знала, что в битве с Эйльхартом окажется в невыгодном положении, но всегда думала, что сможет постоять за себя. Однако теперь скорость и сила, с которой Филиппа произносила свои заклинания, были больше, чем когда-либо видела Йеннифэр. Черноволосая волшебница буквально наступила на пятки, полностью обороняясь. Она едва успела поднять щит, чтобы заблокировать атаки Филиппы, и еще более тревожным был тот факт, что она могла сказать, что у нее быстро истощалась выносливость, в то время как Филиппа, казалось, совсем не утомлялась. У нее закружилась голова, и она начала чувствовать слабость.

Хотя ее зрение начало сужаться, Йеннифэр увидела ярко-оранжевую волну энергии, приближающуюся прямо к ней, и подняла руки, быстро наложив собственное заклинание. Грязь у ее ног тут же закружилась перед ней, а затем превратилась в твердый, как камень, щит. Однако ее глаза расширились от шока, когда она увидела, как ее парящий щит необъяснимым образом отклонился в сторону, а мгновение спустя она почувствовала боль, пронзившую ее грудь, и ее сбilo с ног, когда заклинание Филиппы ударило прямо в нее. Следующее, что она помнила, это то, что она лежала на спине и смотрела на звезды высоко над ней в небе. А затем ее взору предстала гигантская фигура, когда ведьма-паук шла по поверженной волшебнице.

«Что делать... что делать», — сказала Филиппа, глядя в глаза Йеннифэр. Затем она вздохнула. «Знаешь, несмотря на мою внешность, я не монстр, и было бы такой постыдной тратой покончить с таким могущественным и элегантным обладателем магии, как ты. Я даже не сержусь на тебя, Йенна. На самом деле это было довольно веселье.»

Затем ее лицо стало смертоносным.

«А вот твой парень и Малек... ну, я вижу, что они не служат никакой высшей цели... так что их

нельзя не заметить. Та-та».

Филиппа произнесла заклинание и через пару секунд превратилась из гигантского паука в свою маленькую сову. Глаза Йеннифэр проследили за улетающей в темную ночь совой, а затем она полезла в карман и вытащила волшебный кристалл. Трясущимися руками она поднесла его к губам, выплеснула всю оставшуюся энергию, которая у нее была, и прошептала что-то неразборчивое в сложенные ладонями. Маленький кристалл начал светиться ярко-синим цветом, превратился в чёрного ворона и взмыл в воздух. Руки Йеннифэр безвольно упали на бок, и пока из нее лилась кровь, волшебница из Венгерберга медленно закрыла глаза и с тоской подумала о пепельноволосой девушке с изумрудно-зелеными глазами, которая когда-то называла ее «мама».

ooo

Филиппа, высоко над рекой Имлебар, смотрела вниз на явно раненого ведьмака. Он бежал по причалу, но заметно хромал и при этом защищал ребра. Она опустила крылья и слегка скорректировала спуск, бесшумно двигаясь к своей жертве. На этот раз не будет никаких предупреждений, никакого злорадства. Она усвоила урок, общаясь с ним. Она наложит заклинание прямо на его проклятую голову и покончит с ним. Тогда она сможет полностью сосредоточить свое внимание на Малеке. Теперь, с ним, ей будет весело.

Она проплыла вниз, тихо, как перышко, еще на несколько футов и расположилась прямо за ним. Из-за своего клюва она не могла улыбаться, но внутри Филиппа очень улыбалась. Ожидание было почти подавляющим. Как раз в тот момент, когда она собиралась выпустить заклинание молнии, она услышала ужасающий каркающий звук, доносившийся сзади, за которым последовало немедленное и болезненное столкновение.

ooo

Геральт услышал крик ворона всего за мгновение до того, как молния пронзила его плечо, заставив землю перед ним взорваться. Он мгновенно нырнул вправо, перевернулся и поднялся на ноги, глядя в ночное небо. Он в замешательстве наблюдал, как две птицы сражались в воздухе. Внезапно из совы вырвалась молния, ударила другую птицу прямо в грудь, и та разбилась на тысячу похожих на стекло осколков. Если раньше и возникал какой-либо вопрос, то зрелище колдовства совы подтвердило для ведьмака, кем была эта птица, и теперь она пикировала к нему.

Он подписал Квен, потянулся за арбалетом и, как только Филиппа произнесла заклинание, выпустил стрелу. Ее магическая волна Хаоса взломала его защитный щит и сбила его с ног. Хотя его снаряд едва не попал в цель, Эйльхарт нырнул, увернулся, а затем спикировал вниз.

Когда Геральт поднялся на ноги, он увидел, как сова, теперь отдыхающая на земле, превратилась в гигантскую форму паука и начала светиться в его направлении. Ведьмак быстро подписал еще одного Квена, перезарядил свой арбалет, и когда он поднял оружие, чтобы прицелиться, его защитный щит снова разбился, и он снова сбился с ног, тяжело приземлившись на спину. Однако, в отличие от первого раза, он почувствовал боль, пронзившую правое плечо. Он протянул руку и положил руку ему на плечо, но даже не удосужился посмотреть. Он чувствовал кровь на своей ладони. Геральт слегка покачал головой. Он никогда не знал, что заклинания Филиппы настолько сильны. Последним столь могущественным магом, которого он встретил, был Вильгефорц. Если бы она смогла разбить его Квена, то его единственной защитой было бы уклонение, а имея всего одну здоровую ногу, ему не нравились его шансы остаться в живых надолго.

Ведьмак начал медленно подниматься, но внезапно его швырнуло обратно – гигантская волосатая паукообразная нога прижала его к земле. Над ним гордо стоял Эйльхарт с маниакальной ухмылкой.

«Ну-ну... этот паук поймал извивающегося маленького жука», — насмехалась она.

Она сказала себе, что не будет злорадствовать, но волшебница просто не могла с собой поделаться. Ибо как собаки возвращаются на свою блевотину, так и гордые глупцы всегда повторяют свою глупость. Высокомерный дух всегда приводил к падению – и это было удачей для ведьмака, ведь Филиппа просто не могла удержаться от упивания победой.

Прежде чем она успела произнести хоть слово, а тем более покончить с собой, ведьмак выстрелил левой рукой вперед и выпустил непрерывный поток Игни прямо ей в лицо. Ведьма-паук загорелась и отпрыгнула от убийцы монстров. Она быстро откатилась назад, шипя и воя, пока он сохранял свой Знак. Она продолжала отступать, пока наконец не оказалась вне досягаемости ведьмачьего Игни, а затем быстро потушила огонь вокруг своего лица и головы. Пламя нанесло значительный ущерб, но в данный момент волшебница была скорее разгневана, чем обижена.

Филиппа подняла голову, чтобы взглянуть на ведьмака, но его уже не было там, где он был. Она успела лишь мельком увидеть его, когда он упал с вершины стены паводка в реку внизу.

«Тебе от меня так легко не уйти», — прорычала она, прежде чем превратиться в сову.

Поднявшись в воздух, она увидела ведьмака на удивительно большом расстоянии. Он вылезал из реки на небольшую каменную платформу, ведущую в городскую канализацию. Через тридцать секунд после того, как он исчез из поля зрения, она приземлилась на ту же платформу и снова превратилась в паука.

«Тебе следовало просто позволить себе утонуть, ведьмак!» — кричала она в темноту канализации. «Знай, твоя смерть не будет быстрой!»

Слова чародейки эхом разносились по каменным туннелям канализации и мимо ведьмака, который шел так быстро, как только мог. На самом деле он понятия не имел, куда идет и каков его план. Он просто знал, что в его нынешнем состоянии – одна нога, сломанные ребра и кровотечение – у него нет никакой возможности победить Эйльхарта. Когда он плескался по коленам в воде и сточных водах, его глаза искали какие-нибудь трещины или укрытия, где он мог бы избежать обнаружения. В то же время он полез в свою сумку, вытащил «Ласточку» и вылил ее себе в глотку.

«По крайней мере, мне станет лучше, когда она меня убьет», — подумал он про себя, и на его лице появилась кривая улыбка.

Ведьмак свернул за угол и через тридцать футов подошел к закрытым и запертым воротам. Он изо всех сил тянул дверь ворот, но даже в своих лучших проявлениях ему было бы трудно согнуть сталь. Именно тогда он услышал позади себя шум и, обернувшись, увидел Филиппу, занимающую почти весь туннель. Она не сказала ни слова.

Внезапно канализация озарилась голубоватым светом, когда она создала магический щит, который материализовался в пяти футах перед ней. Когда она начала медленно идти к ведьмаку по сточной воде, щит тоже двинулся вперед. Когда она была в пятнадцати футах от нее, ведьмак выпустил мощный поток Игни. Удерживая его пять секунд, он отпустил Знак, но увидел, что ее щит такой же сильный и яркий, как и прежде.

Филиппа усмехнулась.

— Никогда больше, Ведьмак.

Геральт, честно говоря, не знал, как он собирается победить Филиппу, но все равно инстинктивно вытащил свой серебряный меч. Если ему суждено было умереть, то он решил, что должен сделать это как ведьмак – с мечом в руке – потому что до последнего месяца быть ведьмаком было всем, что он когда-либо знал.

Именно тогда его взгляд опустился вниз, и впервые с тех пор, как он вошел в канализацию, до него действительно дошло, где они находятся. Он медленно поднял глаза и увидел улыбку на покрытом шрамами лице Филиппы.

— Филиппа, — сказал ведьмак, держа меч в правой руке, — еще не поздно. Я позволю тебе сдаться.

Колдунья действительно рассмеялась.

«Я дам тебе вот это – по крайней мере, ты последовательна», – сказала она. «Саркастичная задница до конца».

«Итак, это «нет»?»

«Ведьмак, я разорву тебя на куски, конечность за конечностью, а затем скормлю своим друзьям-паукам».

Он кивнул, повернул меч в воздухе, поймал его обратной рукой и поднял рукоять до уровня глаз.

Филиппа фыркнула.

«Ты действительно думаешь, что собираешься использовать это, чтобы убить меня?» — спросила она, все еще за щитом.

Геральт покачал головой. «Нет. Это для баланса».

Он тут же вонзил кончик лезвия в ступу между двумя камнями в стене справа, а затем поднял левое колено, полностью выведя ногу из воды. На лице волшебницы было совершенно озадаченное выражение.

— Ведьмак... — начала она.

Но она была отрезана, когда убийца монстров бросил самый сильный Бликс, какой только мог, прямо в воду прямо под ее щитом. Молниеподобные разряды энергии прошли через канализационную воду прямо в ее восемь волосатых ног. Филиппе казалось, что каждая мышца ее тела сжимается, сокращаясь так сильно, что сухожилия вот-вот вырвутся из ее костей. Она не знала, как долго боль пронзила ее тело, но когда она наконец утихла, ее ноги подкосились, и она упала животом на пол канализации. Она видела «звезды» всеми шестью своими глазами и протянула руки, чтобы потереть два больших человеческих глаза. Когда она отдернула руки, ее зрение начало возвращаться в фокус, и она сразу узнала острие ведьмачьего клинка, приближающееся с огромной скоростью прямо к ее лицу. Это было последнее, что увидит волшебница из Монтекальво перед смертью.

ooo

Ведьмак тяжело дышал и смотрел на ряд из четырех черных паучьих глаз на лбу Эйльхарта. Через мгновение он медленно вытащил свой серебряный меч из черепа ведьмы-паука, а затем быстро взмахнул клинком, разрезав шею монстра и отделив ее голову от тела. Он мгновенно упал в сточные воды внизу и поплыл лицом вверх.

Глядя на ужасное и окровавленное лицо Филиппы, Геральт вспомнил храброго маленького мальчика в Каэр Морхене. Маленький мальчик, которого ведьма так напрасно убила. Он глубоко выдохнул и медленно кивнул головой, вспоминая обещание, данное себе несколько месяцев назад.

«Покойся с миром, Исаак», — прошептал он.

Он продолжал смотреть на тонущую голову ведьмы, пока она полностью не погрузилась в канализацию. Именно тогда его взгляд скользнул немного вправо — к правой ноге. К ноге, закончившейся культей и деревянным протезом. Внезапно на его лице отразилось изумление, он нахмурил брови и медленно покачал головой.

«Невероятно», — прошептал он, все еще глядя на свой ампутированный придаток. «Кто бы мог подумать... потеря тебя спасла мне жизнь».

Он постоял еще мгновение молча, все еще недоверчиво качая головой, а затем, внезапно вспомнив о Йеннифэр, быстро вложил меч в ножны и поспешно двинулся мимо трупы Эйльхарта к выходу из канализации.

ooo

Полчаса спустя Геральт стоял на главной улице, но стоял спиной к все еще пылающему таверне «Риверсайд». Лидиал и Малек стояли на почтительном расстоянии, давая ему немного уединения. Улица перед таверной была заполнена сотнями горожан, несущих ведрами воду из реки. Сама гостиница была безнадежна, но они делали все возможное, чтобы сдержать огонь, чтобы он не распространился на соседние здания. В какой-то момент добрая душа оттащила тело Йеннифэр на противоположную сторону улицы, чтобы его не растоптали.

Несмотря на творящийся вокруг хаос, ведьмак был одинок в своих мыслях и долго смотрел на волшебницу. Лежа в танцующих тенях, она выглядела такой маленькой. Он, конечно, прекрасно осознавал размеры Йеннифэр, но ее личность всегда придавала ей нечто большее, чем жизнь. Чаще всего она всегда демонстрировала жестокую и надменную силу, которая противоречила ее истинному физическому росту. И только в те редкие времена, когда она была уязвима с ним, он видел ее такой, какая она есть на самом деле. Но он никогда не видел ее такой уязвимой и маленькой, как после смерти.

Когда он вышел из своих мыслей, его глаза были сосредоточены на ее лице, и он заметил что-то, чего не уловил с первого взгляда. Он наклонился на левое колено рядом с ее головой, и то, что он увидел, заставило его крепко стиснуть челюсти. Вблизи он мог видеть следы засохших слез, проступивших сквозь сажу и грязь на ее лице. За почти три десятилетия знакомства с Йеннифэр он ни разу не мог вспомнить, чтобы видел ее плачущей. Подбородок ведьмака упал на грудь, и он глубоко вздохнул. Возможно, он больше не был «влюблен» в волшебницу, но он все еще любил ее. И его сердцу было больно осознавать, что она умерла одна, плача на последнем вздохе. Он закрыл глаза и лишь покачал головой.

— Сколько еще, Эссея? он прошептал. "На сколько больше?"

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3439935>